

Т. С. ХАЧАТРЯН, *Древняя культура Ширака*, изд-во Ереванского гос. университета, 1975, 278 стр., цена 2 р. 10 к.

Изучение древнейшего прошлого южных областей Советского Союза, входивших в орбиту влияний передневозосточных цивилизаций, является одной из актуальных проблем современной археологии. Широко развернувшиеся начиная с 50-х годов археологические исследования этих так называемых периферийных областей уже сейчас позволяют оценить масштабы и значение того вклада, который был внесен ими в общую культуру Переднего Востока. Постепенно вырисовываются и конкретные черты существовавших в древности взаимоотношений и этно-культурных контактов между соседними странами большого древневозосточного мира. В этом плане особая необходимость возникает в пытливом исследовании тех территорий, которые на археологической карте продолжают оставаться «белыми пятнами».

На Кавказе и Армянском нагорье таких «белых пятен» становится все меньше и меньше. Большие успехи достигнуты, в частности, археологами Армении, исследовавшими за последнее двадцатилетие многие десятки поселений, крепостей, могильников, святилищ и др. В результате постепенно стала вырисовываться та историческая арена, на которой в дальнейшем сложилось первое государство Урарту.

Область древнего Ширака, известная з урартских надписях под названием Эрнахи, согласно письменной традиции издавна славилась высоким уровнем орошаемого земледелия, скотоводством и, особенно, коневодством. Однако культура древнейших племен Ширака еще сравнительно недавно была археологически освещена совсем недостаточно — на карте этой области древние находки выглядели по существу «булавочными уколами». На восполнение этого пробела и были направлены целенаправленные усилия Т. С. Хачатряна, начавшего с 1959 года систематические раскопки древних памятников Ширака и обобщившего весь накопленный материал в солидной монографии.

Монография эта отражает два аспекта исследований. Первый из них связан с многолетними и плодотворными полевыми работами автора на территории Ширака. Эти работы проведены на высоком методическом уровне, с большим размахом. Доста-

точно сказать, что только в Артикском могильнике, ставшем благодаря усилиям автора хрестоматийным памятником Кавказа, вскрыто 640 погребений. Широкие раскопки были осуществлены и на ряде других объектов, в частности на одном из главных памятников III—II тыс. до н. э. — поселении Арич. Этот большой и свежий материал, впервые публикуемый в книге, прочно войдет в фонд археологических достижений на Кавказе.

Второй аспект — интерпретационный — характеризует Т. С. Хачатряна как вдумчивого исследователя, в руках которого археологические материалы превращаются в надежный исторический источник.

В результате перед читателем вырисовывается издревле сложившаяся яркая и самобытная культура, имевшая вместе с тем много общего с культурой других районов Армении и всего кавказско-переднеазиатского мира. Культура эта представлена поэтапно, показана в динамике.

После введения, в котором убедительно обоснована актуальность выбранной темы, Т. С. Хачатрян подробно останавливается на истории археологического изучения северо-западных областей Армении начиная со времен V Археологического съезда (1881), посвященного древностям Кавказа (глава I). При этом выясняется, что большая часть произведенных раскопок принадлежит автору. В этой главе исчерпывающе использованы все публикации и архивные материалы, широко привлечены музейные коллекции; она носит источниковедческий характер и представляет собой осуществленный впервые историографический очерк северо-западных районов Советской Армении.

В дальнейшем автор строит изложение на характеристиках отдельных периодов в их хронологической последовательности: глава II — период ранней бронзы, глава III — период средней бронзы, глава IV — период поздней бронзы и раннего железа. Заключение подводит итоги всему исследованию.

В основе второй главы лежат значительные материалы из поселений и могильников, относящихся ко второй половине III тыс. до н. э. Надо сказать, что до раскопок Т. С. Хачатряна памятники этого пе-

риода в Армении изучались главным образом на территории Араратской равнины (Мохраблур, Шрешблур, Двин, Шенгавит и др.). Исключение составило лишь поселение Гарни, которое может быть отнесено к памятникам горного типа. Примерно такую же картину дает изучение памятников Грузии и Азербайджана. Исследование же древнейших поселений Ширака, находящихся на высотных отметках 1500—2100 м над уровнем моря и являющихся пример типично горных памятников, вносит много принципиально нового в понимание единой южнокавказской культуры эпохи ранней бронзы.

Перед читателем проходят одно за другим поселения (Кети, Амасия, Ором, Карнуг, Спандарян и др.), места расположения которых выбраны с продуманной тщательностью. Они, как правило, основывались в труднодоступных местах, на скалистых мысах, окруженных глубокими ущельями. Дополнительное укрепление этих поселений мощными каменными стенами из циклопической кладки с потайными выходами в ущелье указывают на то, что жизнь в этот период была отнюдь не мирной. Пожалуй, этот момент, как отражающий конкретный характер межплеменных отношений, следовало бы акцентировать значительно сильнее.

Несомненной удачей автора являются раскопки Арича — главного поселения этого времени, масштабы которого (12 га), не традиционные для III тыс. до н. э., указывают на его особое значение среди других памятников ранней бронзы Кавказа. Очевидно, оно было своеобразным «региональным центром» и занимало примерно такое же господствующее положение, каким был для своего времени анатолийский Чатал-Гюк¹. Напомним, что площадь Чатал-Гюка была примерно такой же. Здесь, по подсчетам Дж. Мелларта, умещалось не менее 900—1000 домов. В каждом доме проживала парная семья, численность которой, судя по этнографическим материалам, проконтролированным данными шумерских источников, состояла из 5—6 человек. Общее количество жителей Чатал-Гюка достигало примерно 4500—6000 человек. Судя по раскопанным помещениям Арича и дру-

гих синхронных поселений Армении, площадь отдельных домов в среднем составляет 25—30 кв. м, что соответствует стандартным размерам домов во многих раннеземледельческих поселениях.

Будущие раскопки безусловно выявят характер застройки этого поселения. Однако если даже допустить, что плотность ее была меньшей, чем в Чатал-Гюке, а какая-то часть поселения использовалась под зимнее содержание скота, факт концентрации в Ариче большой массы населения все же не вызывает сомнения. В III тыс. до н. э. это был один из наиболее густонаселенных центров Южного Кавказа. Напомним, что обширное Шенгавитское поселение занимало всего 6 га.

О социально-политическом значении Арича говорят не только его масштабность, наличие оборонительных стен и выделившаяся цитадель, о которых, к сожалению, автор пишет только вскользь. Это был центр духовной и ремесленной жизни. Показательны в этом плане открытые во время раскопок уникальные культовые памятники — туфовая фигура древней богини, миниатюрный алтарь с бычьими рогами, ритуальные глиняные модели повозок, сосудов, металлических предметов, мелкая зооморфная пластика. Эти культовые атрибуты вместе с серией предметов хозяйственного назначения (жатвенные ножи, серпы, зернотерки, специальная посуда) отражают, как убедительно показывает Т. С. Хачатрян, земледельческо-скотоводческий уклад экономики древних племен Ширака.

Заключительная часть главы рисует яркую картину многоотраслевого натурального хозяйства ширакских племен в III тыс. до н. э. Для реконструкции формы скотоводства автор удачно привлекает этнографические данные, показывающие, что традиционно сложившаяся в условиях богатых альпийских и субальпийских пастбищ Ширака форма отгонного скотоводства уходит своими корнями в III тыс. до н. э.

К этому хотелось бы сделать некоторые добавления. В работе не акцентирован вопрос о значении пашенного земледелия и о тех последствиях, которые несло его внедрение. По последним данным, на Переднем Востоке к концу IV тыс. до н. э. оно имело уже широкое распространение (изображения древних рал на шумерских и прото-

¹ J. Mellaart, Çatal Hüyük, A Neolithic Town in Anatolia, London, 1967.

эламских пиктограммах)². Кавказ, входивший в орбиту прямых влияний передневнос-точных цивилизаций, не мог не воспринять этого величайшего новшества. По-видимо-му, уже с III тыс. до н. э. пашенная систе-ма стала широко распространяться у зем-ледельцев Кавказа. Во всяком случае в многоязычном Дагестане, испытывавшем передневносточные влияния через Закавка-зье, вся лексика пашенного земледелия (название пашни, пахотного орудия, яр-ма, быка-пахаря) восходит к общедагестан-скому языку-основе, существовавшему не позже III тыс. до н. э.³ Второй половиной III тыс. до н. э. датируется в том же Да-гестане факт закрепления этого изобретения в сфере культа. Мы имеем в виду глиня-ные рельефы Верхнего Гуниба с сюжетом обрядовой вспашки поля⁴, сохраняющейся у многих кавказских народов в празднике «первой борозды» или «выхода плуга в по-ле» вплоть до современной этнографиче-ской действительности⁵. По всей вероятно-сти, отражением хозяйственного развития в культовой сфере следует считать и алтарь из Арича (рис. 38), где бычий рога симво-лизировали быка-пахаря, а полосы и точки — распаханное и засеянное поле.

Экономический эффект этого важнейшего изобретения был недавно наглядно проде-монстрирован экспериментом, проведенным в полевых условиях. Вспашка на специаль-но смоделированном по образцу древнего деревянного плуга пахотном орудии в 40—50 раз превзошла ручную обработку зем-ли⁶. По-видимому, массовое расселение пле-мен в предгорья и горы Кавказа (в том числе и Ширака), о котором свидетель-ствует начиная с середины III тыс. до н. э. возникновение новых поселений с земле-дельческо-скотоводческой направленностью

экономики, следует объяснять не только потребностями скотоводческого хозяйства, но и поисками новых земельных угодий, вызванными последствиями внедрения па-шенного земледелия.

Глава III открывается характеристикой памятников эпохи средней бронзы (первая половина II тыс. до н. э.), пришедших на смену «куро-аракской» культурной общно-сти. И для этого периода узловым остается Аричский комплекс; однако подавляющее большинство материалов автором добыто во время раскопок могильника. Поселение Арич, судя по контрольным раскопкам, в этот период оставалось в тех же террито-риальных границах и сохраняло все то же ключевое положение в округе. Шурфовка Арича и других поселений Ширака привели Т. С. Хачатряна к очень важному заклю-чению, что население эпохи средней бронзы продолжало жить на обжитых ранее местах. Этот вывод вносит определенную ясность в установившуюся в кавказоведческой ли-тературе точку зрения, согласно которой поселения III тыс. до н. э. в последующий период оказываются заброшенными и вновь обживаются лишь к концу эпохи бронзы. Памятники Ширака, так же как и некото-рых других районов (например, Алазани), убеждают нас в том, что положение это применимо не для всего Кавказа в целом.

Значение среднебронзового Аричского мо-гильника, исследованного Т. С. Хачатряном достаточно полно (раскопано 85 погребе-ний), состоит прежде всего в том, что его представляют могилы рядовых общинников, которые в сопоставлении с богатыми син-хронными захоронениями Кавказа (Кирова-кан, Триаleti, Зуртакети и др.) рисуют картину имущественной дифференциации общества того времени. Исследуя добытый материал, автор последовательно останавливается на отдельных его компонентах: подробно разбирает конструктивные особен-ности, погребальный обряд, элементы по-гребальной обстановки (керамика, металл, украшения). Все это рассматривается им на широком фоне кавказско-переднеазийско-го материала, что помогает установлению общих черт единой культуры на большой территории, а также проясняет специфиче-ские особенности культуры племен Ширака. Подробнейше исследован самый массовый материал — керамика, благодаря чему вы-явлена преемственность с культурой пред-шествующего периода, намечена динамика

² Ю. А. К р а с н о в, Древнейшие упряж-ные пахотные орудия, М., 1975.

³ Е. А. Б о к а р е в, Введение в сравни-тельно-историческое изучение дагестанских языков, Махачкала, 1961; В. Г. К о т о в и ч, О хозяйстве населения горного Дагестана в древности, СА, 1965, № 3, стр. 10.

⁴ В. М. К о т о в и ч, Верхнегунибское по-селение, Махачкала, 1965, рис. 57.

⁵ Г. Ф. Ч у р с и н, Праздник «выхода плу-га» у горских народов Дагестана, ИКИАИ, т. V, Тифлис, 1927.

⁶ С. А. С е м е н о в, Происхождение зем-леделия, Л., 1974, стр. 225.

туала, совершавшегося во время похорон; он рассматривается автором с привлечением широких кавказских аналогий. По существу эта проблема в археологических исследованиях Армении в таком объеме поставлена впервые. В результате выявляется своеобразие этого ритуала в древнем Шираке, с одной стороны, и черты большого сходства с обрядами, совершаемыми у соседних племен, с другой.

Установленное в следующем разделе выделение трех последовательных групп погребений Арктикского могильника (старшая XIV—XIII вв. до н. э., средняя — XII—XI вв. до н. э., младшая — X—IX вв. до н. э.) всесторонне обосновано. Для вычленения их хронологических границ автору потребовалось проделать огромную и скрупулезную работу по анализу всех компонентов сложных и разнообразных комплексов могильника. В результате Т. С. Хачатрян установлены опорные даты, которые могут служить надежными хронологическими реперами для датировки памятников эпохи бронзы и раннего железа Армении и Кавказа в целом.

В дальнейшем автор переходит непосредственно к характеристике материалов, которые подробно анализирует по группам — орудия труда, оружие, украшения, посуда. Все это рассматривается на широком фоне синхронных памятников Кавказа. Особенно трудоемкой работой был анализ керамики, представленной в Артике сотнями экземпляров. Автор подробно останавливается на таких элементах, как формы сосудов, характер декора, что способствует установлению линии развития этой важной категории материальной культуры, проясняет ее местные корни. В результате перед нами обоснованная классификация самого массового археологического материала. Остается пожалеть только, что в книге наряду с хорошо выполненными рисунками сосудов по комплексам отсутствует сводная таблица развития отдельных типов посуды. Такая наглядность в большой мере облегчила бы чтение перегруженного описаниями текста.

Не менее важны разделы, посвященные цилиндрическим печатям, найденным в Ар-тике, Лчашене и других местах Кавказа. Хурритские печати наряду с другими пред-метами ввоза неоспоримо доказывают су-ществование торговых связей в XIV—XIII вв. до н. э. у кавказских племен с их

южными соседями. Автор показывает хорошую осведомленность в переднеазиатских материалах.

В целом эта важная глава ярко и убедительно рисует картину динамики хозяйства и ведущих форм материнской культуры племен Ширака в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

В этой связи вернемся еще раз к вопросу о скотоводстве. В последней главе также отсутствуют цифровые показатели подсчетов палеозоологических материалов. Правда, основной памятник — Артик — в силу своей принадлежности к явлениям культового порядка не представляет в распоряжение исследователя объективных данных. Здесь мясная пища, которая должна была служить умершим в загробном мире, отобрана согласно ритуалу. Но и тут получается соотношение крупного и мелкого рогатого скота примерно 1:2 (стр. 257). Ниже Т. С. Хачатрян приводит цифры захваченного в стране Эрнахи урартами скота. Согласно цифрам, мелкий рогатый скот безусловно преобладает над крупным. Однако при пересчете на соотношения получаются в среднем цифры 1:3 (надписи Аргишти I), 1:4 и 1:2 (надписи Сардури II). Учитывая различную продуктивность этих групп животных, следует говорить о реальном преобладании в ширакских стадах крупного рогатого скота. Этнографические материалы показывают, что этот скот, так же как и мелкий, хорошо приспособлен к сезонным перекочевкам.

Было бы неправильным сказать, что книга Т. С. Хачатряна лишена недостатков. Как и во всякой большой работе, последние безусловно есть, однако с нашей точки зрения они не снижают общей высокой оценки книги. Очень досадным является, например, отсутствие планов и разрезов тех участков поселений, на которых производил раскопки автор. Непонятно, почему он их не ввел в книгу. Среди исследованных, судя по описанию, есть интересные помещения с стационарными и переносными очагами (Арич, Амасия, Ором и др.). Читателю было бы важно, скажем, иметь представление о помещениях Арича, в которых были найдены уникальные культовые предметы. Не менее досадно отсутствие металлографических анализов. О характере металла Т. С. Хачатрян упоминает лишь в общей форме. Учитывая отсутствие местной медно-рудной базы, естественно предпола-

гать, что металлурги Ширака работали на привозном сырье. Точные химические определения большой серии металлических предметов безусловно помогли бы решить вопрос об источниках сырья и указать древние пути обмена.

В характеристику керамического материала, которой автор уделяет большое внимание, следовало бы ввести статистические подсчеты. Точные данные позволили бы объективнее показать соотношение различных типов посуды на протяжении полутысячелетий.

И последнее. Обращение к этнографическим материалам для всякого рода археологических реконструкций, на наш взгляд, методологически вполне оправданно. Пользуется этим и автор рецензируемой работы. Однако, к сожалению, вместо живых

примеров из конкретной этнографической действительности Армении он, как правило, лишь глухо констатирует факт существования тех или иных этнографических явлений.

Благодаря усилиям Т. С. Хачатряна в науку введен огромный свежий археологический материал, который интерпретируется автором на уровне современных научных достижений. В книге поставлены и по мере возможностей решены важные вопросы, связанные с историей хозяйства и развития форм материальной культуры древних племен Армении. Хорошо выполненные таблицы и рисунки удачно дополняют текст. В итоге перед нами фундаментальный труд, прочно вошедший в основной фонд кавказоведческой литературы.

К. КУШНАРЕВА (Ленинград)